Магарбу Л.

Департамент культуры и искусства Кировской области
Кировская ордена Почёта государственная универсальная
областная научная библиотека им. А. И. Герцена

ГЕРЦЕНКА

Вятские записки
Выпуск 10

Киров
2006

ipspub/meth-v/obj-08499.htm>; Его же. Оборонительные качества городища – знак визуального кода столичности? // Столицы и столичность в истории русской культуры : интернет-конф. <http://www.auditorium.ru/conf/data/4804/korobeynikov.doc>

21. Геометрический план села Сарапула // ЦГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 34. Л. 1.

22. См. об этом также: Николаева, Н. А. Указ. соч. С. 71.

23. Блинов, Н. Н. Указ. соч. С. 30.

24. Наставление по военно-инженерному делу. — М. : Воениздат, 1952. С. 270.

25. Николаева, Н. А. Указ. соч.

ИСТОРИЯ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ XII-XVI ВВ. НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1920-1950 ГОДОВ

Л. Д. Макаров

После Октябрьской революции изучение истории Вятской земли было продолжено *. Происшедшие в стране события и последовавшая вслед за этим идеологизация общества не могли не привести к кардинальным переменам в исторической науке, где господствующие позиции заняла марксистская концепция. Относительно же рассматриваемой нами темы каких-то новых и существенных точек зрения не появилось, поскольку источниковую базу исследований по-прежнему составляли практически те же, самые известные с дореволюционных времён, *письменные источники*.

В этот период преобладал критический подход к известиям «Повести о стране Вятской». Авторы «Очерков по истории колонизации Севера» как о факте доказанном написали о начале освоения русскими Вятского края с конца XIV в. и исключили «Повесть о стране Вятской» из числа достоверных источников. Так, С. Ф. Платонов, ссылаясь на работы А. А. Спицына, считал, что она «передаёт простую басню, лишенную всякой фактической основы» и «что ни в Перми, ни на Вятке сплошных оседлых новгородских поселений не было до самого московского завоевания, а Москва нашла там инородческое «общежительство», которое новгородцы эксплуатировали наездами» [1]. По мнению историка, «первоначальное заселение Вятской земли русскими поселенцами совершалось с севера, но... приходцы с юга играли не меньшую роль, чем колонизовавшие Подвинье новгородцы», причём наиболее доступным путём их на Вятку он считал верховья Северной Двины. Рассматривая роль ушкуйников, Платонов отмечал, что «нельзя считать разбойничьи шайки за колонизаторов края, как бы часто они ни появлялись на Вятке и как бы долго ни задерживались среди местного вотяцкого населения». Серьёзной попыткой колонизации края он назвал (вслед за Спицыным) поселение на Вятке в начале XV в. суздальского князя Семёна Дмитриевича. Под вятчанами автор подразумевал смешанное население – *и русское, и инородческое* [2]. Главным препятствием освоению вятского бассейна Г. Ф. Чиркин считал невозможность прямого пути через Унжу и Ветлугу начиная с XIV в. из-за заселения Волго-Вятского междуречья воинственными черемисами [3].

М. Н. Покровский описывал события на Вятке по «Повести», но допускал своё толкование: с его точки зрения, новгородцы захватили «Болванку», где проживали удмурты, и основали здесь в 1181 г. Хлынов [4]. Доверие к сведениям источника

полностью сохранилось в многотомных академических изданиях по истории СССР 1930–1950-х годов, где на картах XII – первой половины XIII вв. обозначены города Хлынов, Никулицын, Котельнич, Орлов и Слободской [5]. М. Н. Мартынов также относил заселение бассейна р. Вятки к XII в., излагая его ход по сведениям «Повести о стране Вятской» [6].

Крупнейший историк русской колонизации М. К. Любавский, оригинально развивавший идеи своего наставника В.О. Ключевского, ещё в начале XX в. отмечал комплексный характер причин, вызвавших освоение Северо-Восточной Руси. Касаясь самого процесса колонизации, он допускал некоторое сопротивление аборигенов продвижению колонистов и указывал, что «нередко устанавливалось и мирное сожительство славян с финнами, которое, весьма вероятно, уже в древнейшие времена вело к их смешению» [7]. В советское время М. К. Любавский развивал эти мысли, рассматривая материалы «коренной Великороссии». Так, он утверждал, что «великорусская народность образовалась из смешения разных славянских племён, расселившихся в Восточной Европе, между собой и инородцами преимущественно финского корня» [8]. По мнению историка, заселение этих земель в XI–XIII вв. происходило посредством строительства на территории финно-угров «посёлков-городков» славян в ходе их стихийного переселения на северо-восток, и в итоге «к XIV в., к моменту зарождения Московского государства, славянорусская стихия, по всем признакам уже возобладала» [9]. Аналогичные выводы М. К. Любавский дал и в последней своей монографии «Обзор истории русской колонизации», опубликованной лишь в 1996 г. [10]

Однако приведённые выше данные касались Вятки лишь косвенно. Нам не известно отношение историка к «Повести о стране Вятской», однако некоторые данные этого источника им использовались: «При Василии Дмитриевиче в сферу Московского владычества попала ещё более отдалённая новгородская колония – Вятка. Колония эта была основана новгородской вольницей. По отношению к своей метрополии – Новгороду – Вятка держалась не только самостоятельно, но и подчас враждебно; вятчане предпринимали иногда военные походы в Заволочье и опустошали эту землю. В других случаях они вместе с новгородцами и устюжанами предпринимали походы на казанских татар и грабили их города, грабили купцов, плывших по Волге. Василий Дмитриевич после присоединения Нижнего Новгорода решил овладеть беспокойным гнездом, вызывавшим частые ответные нападения татар. В 1425 г. он отправил войско для занятия Вятки. Великий князь отдал Вятку со слободами и всеми её местами брату Юрию, владевшему Галичем» [11]. (Происхождение даты 1425 г. неизвестно, возможно, это опечатка; прав, очевидно, В. В. Низов, считающий, что имеется в виду 1458 г., когда действительно состоялся первый поход московского войска на Вятку [12]. С другой стороны, именно между 1417 и 1425 гг. Василий I пожаловал своего брата Юрия Галицкого «Вяткою и 3 слободами и со всеми месты» [13], но при этом лишь одно событие можно в какой-то мере связать с данным пожалованием – неудачное нападение устюжан на Вятку во главе с Анфалом Никитиным в 1418 г.). Как мы видим, М. К. Любавский по существу признавал фактический суверенитет Вятки в период до 1425 г.

Особость Вятки, по существу, сохранялась и позднее, вплоть до 1489 г., о чём свидетельствовали строки из книги учёного: «Эту же меру (выселение местной знати и замена ее московскими ставленниками. – Л. М.) великий князь Иван Васильевич употребил и в отношении своевольной Вятки, которая, не считаясь с подчинением Москве, нападала на казанских татар и опустошала Устюг Великий. В 1489 г. 16-тысячная московская рать усмирила вятчан. Лучшие люди, купцы и земские, сведены были с Вятки и поселены – купцы в Дмитрове, а земские люди в Боровске и Кременце; только туземных князьков Арских и Каринских великий князь пожаловал, отпустил в свою землю. В вятских городах Хлынове, Орлове, Слободском и Котельниче были посажены московские наместники»[14]. (В летописях фигурировали иные цифры численности войска – 64 или 72 тыс., однако подсчёт, проведённый Низовым (13–15 тыс.), практически совпадал с приведённой Любавским цифрой [15]. Кроме упомянутых историком городов, где были помещены вятчане, в летописях указывался и Алексин).

Исследования местных историков и краеведов во многом координировались возникшими в начале 1920-х годов Вятским историческим обществом, НИИ краеведения, кафедрой истории пединститута, Научным обществом по изучению Вотского края, позднее – Удмуртским НИИ. Особенно важным в деле исследования прошлого Вятской земли был вклад П. Н. Луппова [16]. В 1920–1930-е годы он по-прежнему уверенно писал о начале русской колонизации региона по крайней мере с XIII в. преимущественно из ростово-суздальских, частично – новгородских земель. Помимо исторических данных, Луппов использовал также этнографические и лингвистические источники [17]. Более того, он предпринимал и архитектурно-археологические наблюдения: в 1926 г. по его инициативе было осмотрено Шестаковское городище, на котором удалось зафиксировать следы укреплений и построек XVII–XVIII вв. [18] Значительное место в научном творчестве историка занимал критический анализ письменных источников, касавшийся преимущественно сведений об удмуртах XV–XVII вв.[19]

В последние годы своей жизни Луппов пришёл к выводу о недостоверности сведений «Повести о стране Вятской» и отказался от первоначальной точки зрения на раннюю русскую колонизацию Вятского края [20]. В отличие от взглядов А. А. Спицына и А. С. Верещагина, относивших время создания «Повести» к концу XVII в., он считал, что памятник был написан между 1725 и 1739 гг. по специальному заказу духовенства для оправдания крестных ходов, которые запретил епископ Лаврентий Горка [21]. Первыми русскими поселенцами на Вятке Луппов считал ушкуйников 1374 г. [22], но в то же время оговаривался, что «эти группы ушкуйников, конечно, нельзя считать настоящими колонистами Вятской земли, это были временные пришельцы, появлявшиеся здесь с хищническими целями... Настоящих колонистов-земледельцев среди них в XIV веке было ещё немного» [23]. Он связывал формирование постоянных русских поселений на Вятке с выходцами из Суздальско-Нижегородского княжества, опираясь при этом на данные топонимики, договорную грамоту 1446 г. потомков суздальских князей с князем Дмитрием Шемякой и показания русских летописей конца XIV –

начала XV в. Эти летописи повествовали о неудачных попытках суздальских князей Семёна и Василия вернуть себе Суздальско-Нижегородское княжество, о пленении семьи Семёна и ссылке его в Вятку в 1402 г. Луппов выдвинул предположение (не имеющее пока документального подтверждения) о том, что, оставшись в 1393 г. без своих суздальских уделов, опальные братья выпросили у Тохтамыша ярлык на Вятскую землю, покорённую до того царевичем Бектутом, и поселились в устье р. Чепцы в Никольском погосте, фактически основав новое Вятское княжество, а после смерти князей их семьи оставались здесь до передачи Вятской земли Галицкому князю [24]. Однако эта весьма соблазнительная версия, высказанная в виде догадки ещё А. С. Верещагиным, осталась пока не доказанной, как, впрочем, и предположение о появлении арских князей на Вятке в конце XIV в. [25]

Луппов считал, что заметный рост численности русского населения Вятской земли за счёт притока выходцев из Поморья был возможен только после 1489 г. и особенно с началом монастырской колонизации края в конце XVI – начале XVII в. И всё же, по его подсчётам, успехи русских поселенцев на Вятке были невелики: к 1615 г. ими было основано всего 28 сёл с окружающими их деревнями и починками, причём анализ писцовых книг 1628–1629 гг. показал абсолютное преобладание мелких (1–2 двора) поселений. Историк полагал, что каких-то крупных столкновений пришлого населения с аборигенным не было, поскольку свободных для заселения земель вполне хватало [26]. Относительно возникновения городов Луппов фактически шёл вслед за А. С. Верещагиным: он датировал возникновение Хлынова, Орлова и Котельнича промежутком между 1428 и 1434 гг.[27] По мнению автора, не позднее 1507 г. образовался Слободской, в 1540-х годах – Шестаков, причём оба города были построены выходцами из Поморья [28]. Великолепное специальное исследование посвятил историк вятским селениям, уделив особое внимание их возникновению (отдельные поселения появились ещё в древнерусский период). Многие годы рукопись лежала в архиве и увидела свет не так давно [29].

Отметим, что в предисловии к книге П. Н. Луппова «История города Вятки» А. И. Копанев сделал ряд замечаний. В частности, он усомнился в гипотезе автора о времени и причинах написания «Повести о стране Вятской». Рецензент поставил на повестку дня вопрос о времени возникновения тех исторических сказаний, которые использовал составитель источника, а также высказал предположение о возможности решить проблему русской колонизации Вятского края лишь с помощью археологических раскопов [30].

Вятский историк С. В. Токарев в одной из своих работ попытался охарактеризовать зарождение торгового капитала на Вятской земле в XVI в. на базе имевшихся здесь занятий населения, которые (в частности, торговля) стали приобретать, по мнению автора, капиталистический оттенок [31]. Историк считал, что именно «развитие денежного хозяйства в Московском государстве привело к замене системы кормлений (наместничества) в областях приказной властью и упрочению земских учреждений...», а отсутствие на Вятке боярства и помещиков привело к тому, что «земские учреждения на Вятке оказались в руках представителей торгового капитала» [32]. Пред-

ставляется, что выводы автора выглядели бы убедительнее, имей они более фундаментальные доказательства.

Свой вклад в историографию Вятской земли внёс и выдающийся археолог М.П. Грязнов, высланный в Вятку из Ленинграда в 1934 г. по «делу славистов» и находившийся здесь до 1937 г. Будучи сотрудником краеведческого музея, он занимался оформлением экспозиции, вёл полевые наблюдения при земляных работах на территории посада (во время которых зафиксировал бревенчатые мостовые на бывшей Копанской (ныне ул. Герцена), собирал антропологический материал с пяти вятских кладбищ XVII–XVIII вв.), а также проводил исторические изыскания. К сожалению, эта работа по вполне понятным причинам не отразилась в печати и оказалась доступной лишь после знакомства с научным архивом учёного[33]. Грязнов попытался исследовать динамику развития г. Хлынова и генеалогию его жителей, накладывая данные переписей 1615–1717 гг. на топографические планы, тем самым обнаруживая совершенно новый подход к данного вида источникам, до сих пор не реализованный местными историками. Одновременно он вёл сбор материалов по истории улиц, переулков, площадей, церквей, отдельных построек, крепостных сооружений и мостов. Им планировалось издание книги по исторической топографии города («Исторический план города Кирова»), в котором период от основания Хлынова (XIV в.) до 1666 г. должен был подготовить он сам. Судя по проставленной выше начальной дате, Грязнов временем основания города считал первое упоминание Вятки в русских летописях, но неизвестно, связывал ли он его закладку с новгородскими ушкуйниками. Упоминание в проспекте издания Кикиморской горы как места первоначальной закладки города даёт основание утверждать, что учёный в значительной мере доверял сведениям «Повести о стране Вятской».

Любопытный памятник провинциальной исторической мысли находится в рукописном фонде УИИЯЛ УрО РАН. Это пространная (40 с. рукописного текста) статья А. А. Столбова (до революции – помощника акцизного надзирателя, действительного члена ВУАК. – *Л.М.*) «Северная Арская земля», первый вариант которой (август 1940 г.) получил рецензию П. Н. Луппова, а второй (апрель 1941 г.) остался без какой-либо аннотации. Последний, разбитый на 4 главы, и явился, надо полагать, окончательной редакцией статьи [34]. Труд А. А. Столбова посвящён территории, заселённой северными удмуртами, бесермянами и татарами, и названной им Северной Арской землёй, известной также под названием Нукратской (Наугороцкой). Исследователь считал, что название Нукрат («серебряная») предшествовало названию «Вятка», принесённому сюда удмуртами, о времени появления которых на Вятке автор затруднялся говорить определённо. Ареал расселения удмуртов по р. Нукрат (Вятка) определён им по данным фольклористики (народных преданий), ономастики (географических названий), исторических актов и в какой-то мере – археологии в пределах Средней Вятки (от устья р. Моломы до с. Сырьяны и нижних притоков Чепцы). Западную часть этой территории (между устьями Чепцы и Моломы) и заняли после 1374 г. первые русские поселенцы (здесь Столбов следовал за разработками Верещагина, его последователей и поздними изысканиями Луппова). Он писал: «Река

Вятка выше Чепецкого устья и бассейн Чепцы остались за удмуртами и после основания Вятки. Следовательно, после возникновения русской колонии рядом с нею в каких-нибудь 18 км от Хлынова на р. Вятке выше устья Чепцы и на р. Чепце образовалась земля северных удмуртов – Северная Арская земля». Данный вывод зиждется на сведениях летописей под 1379 г. «о походе вятских ушкуйников разбойников... в Арскую землю, окончившемся гибелью их вместе с воеводой Иваном Рязаном». При этом автор связывал этот поход не с «Арской землей, находящейся под Казанью, где город Арск, ...а с землей северных удмуртов и что именно эта земля названа в летописях Арской землей, ...т. е. через 41/2 года после предположенного нами основания Вятки». Столбов считал, что и после похода отношения Вятки с Северной Арской землей оставались напряжёнными, вплоть до 1489 г. сохранялась граница между ними, проходившая «с юга на север через устье Чепцы, село Волково и речку Рубежницу» (верхнее течение р. Никульчинки), а административный центр её находился в Карино. Помимо удмуртов, Северную Арскую землю населяли татары и бесермяне (последних он связал с болгарами). Более того, он полагал, что эта территория входила в Болгарский союз. Он допускал также, что те 700 татар, которые участвовали в «Вятском взятии» в 1489 г. пришли не из Казани, а были выходцами из соседней Северной Арской земли. Вслед за Верещагиным, А. А. Столбов предполагал, что в составе «вятских сведенцев» Подмосковья были не только русские, но и татары, и удмурты. После взятия Вятки Иван III оставил земли северных удмуртов «под властью прежних арских князей из татар». При этом автор подчеркивал, что, «несмотря на кровное родство с казанскими татарами, они все время стояли на стороне Москвы и усердно помогали в её борьбе с большой и сильной Казанью». Отмечу, что высказанные Столбовым во многом оригинальные предположения пока не получили какой-либо оценки на страницах исторической печати и, во всяком случае, труд его заслужил опубликования.

В своих ранних работах А. В. Эммаусский придерживался точки зрения о позднем заселении русскими берегов р. Вятки, о возникновении городов в 1428–1434 гг. По мнению историка, основной приток переселенцев шёл из Новгородской, Владимиро-Суздальской и Нижегородской земель [35]. Учёный полностью отрицал существование вечевой республики на Вятке, а также утверждение о Вятке как колонии Новгорода и доказывал, что «Вятская земля с самого начала заселения ее русскими входила в состав Суздальско-Нижегородского княжества» [36]. Эммаусский написал обобщающий очерк истории региона в XVI – начале XVII вв., в котором основное внимание уделил социально-экономическому развитию Вятской земли, реформе местного самоуправления, участию вятчан в разгроме татарских ханств Поволжья и Сибири, а также в борьбе против польской интервенции в начале XVII в. [37] В крупной монографии учёного, посвященной истории Вятского края XVII–XVIII вв., рассмотрены и вопросы развития культуры. Автор связывал появление местной литературы с организацией в 1658 г. Вятской епархии и проводил анализ агиографических и исторических сочинений вятчан.

Первые рассмотрены им, как это было тогда принято, с позицией воинствующе-

го атеизма, с полным отрицанием какого-либо их познавательного значения. Исторические произведения (в т. ч. и «Повесть о стране Вятской») исследованы А.В. Эммаусским, по сути, в русле работ Верещагина. Учёный оспаривал выводы Луппова о написании источника между 1725 и 1739 гг., указывая, что *ближе к истине были Спицын и Верещагин*, и что вопрос о «Повести» «нуждается в дополнительном исследовании» [38].

Резкой критике подверг первые две книги Эммаусского удмуртский историк А. Ф. Трефилов. Вслед за Лупповым, он отказал «Повести о стране Вятской» в достоверности и назвал её не иначе, как подделкой или фальшивкой. Рецензент обвинял Эммаусского в преувеличении враждебного отношения русских поселенцев к коренному удмуртскому и марийскому населению, в слабом знании трудов классиков марксизма-ленинизма, в излишней доверчивости к сведениям иностранных авторов XVI в. и в итоге не удержался от навешивания ярлыков (антимарксистские построения, ложное освещение межэтнических отношений, грубейшее извращение истории Вятской земли) [39]. Вместе с тем, Трефилов предлагал свою оригинальную версию истории региона. Он отмечал, что в условиях активных контактов славян и финнов в Прикамье здесь в X–XII вв. возникали славянские «постоянные пункты накопления предметов обмена», а это свидетельствовало о том, что «сближение русских людей с аборигенами Вятской земли... шло на почве обоюдной заинтересованности в обмене предметов своих изделий... Как естественное следствие этих связей, несомненно, что русские поселения здесь появились задолго до монголо-татарского нашествия... из княжеств северо-восточной Руси... Массовый поток русского населения на Вятку был вызван... установлением тяжкого монголо-татарского ига... Причём русские люди сюда шли не как завоеватели, а как беженцы. Они не встречали враждебного отношения к себе со стороны удмуртов и мари... В качестве беженцев... *сюда шли (также) камские болгары, прикамские* удмурты и мари. Они также... селились среди вятских удмуртов, мари и русских вперемежку... Постоянная угроза нападения на Вятскую землю со стороны монголо-татар диктовала необходимость союза между разными по своему этническому составу и языку людьми... Русские люди... стали во главе этого союза. Этот союз... во второй половине XIV века завершился объединением всего населения Вятской земли в едином государственном организме...» [40].

Эта идея высказывалась Трефиловым и в других работах: «Политическая власть на Вятке оформилась не как княжеская вотчина, а стала называться Вятской вольной республикой...» [41]. По мнению автора, формирование соседской общины у удмуртов происходило под существенным влиянием русского населения, под термином «вятчане» зачастую скрывалось не только русское, но и коренное население, причём и то, и другое несло «равные и одинаковые ...обязанности перед государством» [42]. Историк высоко оценивал роль Ивана Грозного как гибкого политика в умелом подходе к христианизации удмуртов и связывал последнюю с постепенным изживанием родового строя [43]. Трефилов полагал, что объективные условия для сложения удмуртской народности создались только в рамках единого Русского централизованного государства [44]. В противовес точке

зрения А. П. Смирнова, который считал запустение чепецких городищ X–XII вв. (исключая Иднакар) следствием разгрома их новгородскими ушкуйниками, проникшими на Вятку и основавшими, по «Повести о стране Вятской», в XII в. г. Хлынов [45], А. Ф. Трефилов объяснял упадок городищ распадом родового строя. Начало русской колонизации он также относил к XII в. (любопытно, что в книге, в разделе хронологии, проставлена другая дата – 70-е годы XIII в.) возникновение посёлка Хлынова – к концу XIV в., а превращение его в город – к 1434 г. [46]

Приведённый выше обзор показывает, что попытки решить проблемы ранней истории Вятской земли посредством анализа лишь письменных и, отчасти, лингвистических источников, зашли в тупик. Выход из него некоторые историки (П. Н. Луппов, А. И. Копанев) видели в расширении круга источников – в частности, археологических. Процесс пополнения фонда последних протекал непрерывно в течение двухсот лет (И. И. Лепехин, Е. Ф. Зябловский, П. И. Лерх, П. В. Алабин, А. А. Спицын, М. В. Талицкий, М. П. Грязнов, Н. А. Прокошев, А. П. Смирнов, А. В. Збруева, О. Н. Бадер, Л. М. Еговкина, В. Ф. Генинг, И. С. Вайнер, И. И. Стефанова, В. П. Денисов [47]). Однако эти исследования ограничивались в лучшем случае разведочными шурфами, поэтому не могли изменить общей картины. Лишь проведение широких раскопок могло бы дать выход на исторические выводы. Такого рода масштабные изыскания и были проведены на Вятке во второй половине XX в.

Примечания

*О дореволюционном периоде историографии см.: Макаров, Л. Д. История Вятской земли XII–XVI вв. в дореволюционной историографии // Актуальные проблемы историографии дореволюционной России. — Ижевск, 1992. С. 81–95.

1. Платонов, С. Ф., Андреев, А. И. Новгородская колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. — Птг.,1922. Вып. 1. С. 31–32.

2. Платонов, С. Ф. Низовская колонизация на Севере // Там же. С. 60–61.

3. Чиркин, Г. Ф. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера // Там же. С. 15–16.

4. Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Изд. 4-е. — М., 1933. С. 276.

5. История СССР с древнейших времён до образования Древнерусского государства. — М.; Л., 1939. Т. I. С. 792; История культуры Древней Руси. — М., 1948. Т. I. Карта; Очерки истории СССР XI–XIII вв. — М., 1958. С. 23, 29.

6. Мартынов, М. Н. Удмурты (вотяки) в эпоху раннего феодализма // Исторический сборник. — Л., 1934. Т. I. С. 67–68.

7. Любавский, М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. — М., 1909. С. 38–39, 91, 120–125.

8. Любавский, М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. — Л., 1929. Ч. 1. С. 4–5.

9. Там же. С. 12.

10. Любавский, М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. — М., 1996. С. 150–159.

11. Там же. С. 238.

12. Низов, В. В. Вятка в борьбе за политическую самостоятельность // Вятка : краевед. сб. — Киров, 1991. Вып. 9. С. 95–96.

13. Там же. С. 93.

14. Любавский, М. К. Обзор истории... С. 247.

15. Низов, В. В. Указ. соч. С. 114.

16. Макаров, Л. Д. Проблемы древнерусской колонизации Вятского края в трудах П. Н. Луппова // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее : материалы 3-й науч. конф. — Ижевск, 1998. С. 47–49; Его же. П. Н. Луппов о древнерусской колониза-

ции Вятского края // Историк. Время. Архивы : материалы науч.-практ. конф. : к 130-летию со дня рождения П. Н. Луппова (1867–1949 гг.). — Ижевск, 1998. С. 27–32.

17. Луппов, П. Н. Исторический очерк Вятского края // Вятский край. — Вятка, 1929. С. 278–282; Его же. Современное население Вятского края // Там же. С. 338–347.

18. Луппов, П. Н. Город Шестаков Вятской земли : (к истории городов Вят. края) // Труды / Вят. НИИ краеведения. — Вятка, 1927. С. 87–104.

19. Луппов, П. Н. О жалованной грамоте Каринским и Верхочепецким отякам 1588 г. // Труды / Вят. НИИ краеведения. — Вятка, 1928. Т. IV. С. 110–113; Его же. А. Н. Радищев о Вятском крае // Там же. С. 102–109; Его же. Северные удмурты в 16–17 веках : (очерк из истории колонизации бассейна р. Чепцы) // Учён. записки НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. — М, 1931. Вып. II : На удмуртские темы : сб. ст. С. 112–144; Его же. Северные удмурты в конце XVII века : (опыт изучения переписной книги 1678 г.) // Труды / Вят. НИИ краеведения. — Вятка, 1934. Т. VII. Вып. 1. 24 с.; Его же. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. — Ижевск, 1958. 420 с.

20. Луппов, П. Н. К вопросу о происхождении «Повести о стране Вятской» // Записки / Удм. НИИ. — Ижевск, 1949. Вып. 12. С. 70–76; Его же. История города Вятки. — Киров, 1958. С. 29–40.

21. Луппов, П. Н. К вопросу о происхождении... С. 76–81; Его же. История города Вятки... С. 41–43; Его же. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. С. 14–18.

22. Луппов, П. Н. История города Вятки. С. 51.

23. Луппов, П. Н. Документы по истории... С. 18.

24. Луппов, П. Н. История города Вятки. С. 52–56; Его же. Документы по истории... С. 19–23.

25. Луппов, П. Н. История города Вятки. С. 54–55; Его же. Документы по истории... С. 21.

26. Луппов, П. Н. Документы по истории... С. 23–28.

27. Луппов, П. Н. История города Вятки. С. 59.

28. Луппов, П. Н. Документы по истории... С. 23.

29. Луппов, П. Н. История вятских сёл // ЭЗВ : в 10 т.[12 кн.]. — Киров, 1995. Т. 4 : История. С. 138–182.

30. Копанев, А. И. Предисловие // Луппов, П. Н. История города Вятки. С. 10–12.

31. Токарев, С. В. Торговый капитал и земские учреждения на Вятке в XVI и начале XVII века // Труды / Вят. НИИ краеведения. — Вятка, 1927. С. 78–83.

32. Там же. С. 84–86.

33. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 91. Папка 20: Коллекция документальных материалов по истории города Хлынова – Вятки – Кирова, составленная М. П. Грязновым по архивным, музейным и опубликованным источникам (XIV в. – 1666 г. – 1937 г.); Макаров, Л. Д. Вклад М. П. Грязнова в изучение исторического прошлого Вятской земли // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. — Омск, 1987. С. 30–32; Его же. М. П. Грязнов и Вятка : материалы архива Ин-та истории материал. культуры РАН // Архивы и общество: история, современность, перспективы : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию гос. архив. органов Удм. Республики. — Ижевск, 1998. С. 36–41; Его же. Демографические материалы М. П. Грязнова по истории феодальной Вятки // XIV Уральское археологическое совещание. — Челябинск, 1999. С. 175–176.

34. Столбов, А. А. Северная Арская земля : этногр. материалы // РФ УИИЯЛ УрО РАН. — Киров, 1941. Д. 391. Л. 1–40. (Рукопись).

35. Эммаусский, А. В. Вятская земля в период образования Русского государства. — Киров, 1949. С. 5–17.

36. Там же. С. 9.

37. Эммаусский, А. В. Очерк истории Вятской земли в XVI – начале XVII в. — Киров, 1951. 72 с.

38. Эммаусский, А. В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. — Киров, 1956. С. 196–209.

39. Трефилов, А. Ф. Рец. на: Эммаусский А.В. Вятская земля в период образования Русского государства. — Киров, 1949; Его же. Очерки истории Вятской земли в XVI – начале XVII в. — Киров, 1951 // Записки / Удм. НИИ. — Ижевск, 1954. Вып. 16. С. 213–224.

40. Там же. С. 217–218.

41. Трефилов, А. Ф. Удмурты в период образования Русского централизованного го-

сударства в XV–XVI веках // Записки / Удм. НИИ. — Ижевск, 1951. Вып. 15. С. 79.
42. Там же. С. 80–85.
43. Там же. С. 88–89, 92.
44. Там же. С. 90–100.
45. Смирнов, А. П. Волжские булгары // Труды / Гос. ист. музей. — М., 1951. Вып. XIX. С. 56.
46. Очерки истории Удмуртской АССР. — Ижевск, 1958. Т. 1. С. 21–23, 28–29, 272.
47. Макаров, Л. Д. История археологических исследований древнерусских памятников бассейна р. Вятки // Новые источники по древней истории Приуралья. — Устинов, 1985. С. 45–48.

ИЗ ИСТОРИИ ВЯТСКОГО ДУХОВЕНСТВА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

А. В. Сергеев

В эпоху проведения «великих реформ» и позднее церковь должна была учитывать новые условия. Старания священников, искренне желающих помочь народу, тем более примечательны, поскольку среди народа усиливалось негативное отношение к служителям церкви. Среди самого духовенства ходило присловье, зафиксированное Я. Ф. Мултановским: «Если бы великорецкие деньги, верховское мясо, подрельские покосы и чудиновский хлеб – умирать бы не надо» [1]. В народе ходили обидные пословицы и поговорки о служителях культа. «Вятские епархиальные ведомости» вынуждены были отметить: «Народ стал смотреть на духовенство, как на "хабарников", выбравших религию исключительно с целью наживы, и начал относиться к нему крайне подозрительно и недоверчиво» [2].

«Некрасивая жизнь местного клира» объяснялась иногда «бытом старого времени», воздействием «дальности расстояния», когда до волостного правления 12, а до благочинного 108 вёрст [3]. Тем не менее дело заключалось не в отдалённости. Не все пастыри оказывались на нравственной высоте. Но при любом случае негативного к ним отношения священники старались «вразумлять» народ. Миссионер о. Е. Николаев (один из активных руководителей Вятской народной монархической партии) рассказал, как в 1913 г. мещанский парень из кучки молодежи, распивавшей «монопольку» на вокзале, заметил: «Вот идёт поп, житьё им, братцы, – дерут с живого и мёртвого». Миссионер посчитал должным вступить в полемику с молодежью, правда, неизвестно, с каким результатом [4]. В с. Черемисский Малмыж вместо прежнего священника был назначен новый, грубого нрава, не желавший и слышать слова «бедность», кричавший на крестьянина, у которого не хватило пятака за молебен [5]. Поведение некоторых представителей духовенства вызывало соответствующее отношение к ним. Земский учитель Ал. М. Васнецов характеризовал причётника церкви в с. Шурма Уржумского уезда и его жену – «своё гнездо собирают... Их сынок в собственной лавке на спичках и сушках тысячи наживает...» [6]

Но в жизни духовенства было много позитивного, подававшего пример прихожанам. Вятчанам запоминалась гуманность священников, достойных духовных пастырей. (Некоторые удивляли прямо-таки наивно-детским восприятием мира, контрастирующим с реальностью. В. В. Розанов рассказал о 74-летнем священнике из Вятки, который, приехав погостить к сыну, любовался морем. «Никогда моря не видал, – говорил сын, тоже священник. – ...И как увидит море, не может оторваться» [7]).